

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.1

О семантическом треугольнике

© В. В. Ильин

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
Россия, 105005 г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1.

Email: vvilin@yandex.ru

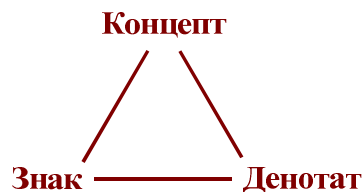
Статья посвящена различению скрывающегося под именем (знаком) реально-нереального содержания. Проводится рефлексия связей знака с концептом и денотатом, резюмируемых столь значимыми познавательными процедурами, как характеристика, атрибуция, интерпретация, нацеленными на установление предметных значений когний. Подчеркивается, что идейный процесс идентифицирует сверхфразовую информацию о действительности, лежащую на пересечении «культуры» и «натуры». В формализованных языках проблема связи «бессодержательных» синтаксических выражений и предметно-смысловых структур решается обращением к интерпретации – особой процедуре, позволяющей сопоставлять имена (понятия) с объектами и отношениями между ними. В кругу интерпретационной процедуры «пустые» аксиомы, знаковые записи (строчки) превращаются в значащие (имеющие истинностные значения) утверждения об объектах, сферах мира. Всякому предложению (имени) соответствует высказывание об объектах некоторой предметной системы. В естественных языках связь знаков с предметно-смысловой основой задается: а) генеалогически – правила словоупотребления; в) метафорически – тропное объединение, приравнивание с привнесением гармонии; с) дидактически – правила определения и выделения; d) метафизически – выражение невыразимого – философские тематизации неопределенно-незаканчиваемого.

Ключевые слова: знак, предмет, смысл, значения.

Треугольная фигура имеет вершины:

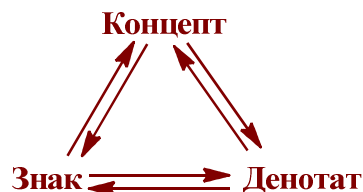
1. знак – означающее, имя, сигнал, звук, граф, жест;
2. смысл – содержание, концепт, информация, сумма знаний об обозначаемом знаком предмете, интенционал;
3. значение – означаемое, объем, денотат, предмет, референт, экстенционал.

Графически:

Немаловажным дополнением стандартного анализа природы связей, объединенных в вершинах Знак (З), Концепт (К), Денотат (Д), будет признание их многомерности: З соотносится с К, но и К с З; З соотносится с Д, но и Д с З; К соотносится с Д, но и Д с К.

Графически:

Тематизируем определенность уже не трех, а шести связей.

Связь₁ З→К: знак – содержание знака суть семиотическая, семиологическая связь, уточняется этимологически, интерактивно.

Связь₂ К→З: содержание знака – знак суть семасиологическая связь, уточняется терминологически, коммуникативно.

Связь₃ К→Д: смысл – предмет суть интенциональная связь, уточняется понятийно.

Связь₄ Д→К: предмет – смысл суть интенциональная связь, уточняется интерпретативно.

Связь₅ Д→З: предмет – знак суть экстенциональная связь, уточняется алгоритмически.

Связь₆ З→Д: знак – предмет суть экстенциональная связь, уточняется номиналистически.

Формат отношений типа связь₁ – связь₂, обусловленных языковым поведением, покрывается локусами «выражение мысли» (членораздельные звуки) – «выражение чувства» (нечленораздельные звуки) (по Гумбольдту), очевиден. Сосредоточимся на рефлексии форматов типа связь₃ – связь₆.

Связь₃ К→Д. Вершина «смысл» конденсирует представления о предмете сообразно содержательной системе отсчета. Информация о предмете (знание), конечно, не тождественна «значению», что отрицает правомерность подчас допускаемого приравнивания смысла к значению, в свою очередь приравниваемому к обозначаемому объекту – номинату. Смысл как сгусток ментально представленных определений предмета гносеологически сближается с содержанием понятия, является сугубо интенциональным параметром.

Последнее находит прямое удостоверение в дифференциации смысла в зависимости от интенции на фиксацию признаков отношений. Простейший предмет «4» ментально (смыслово, понятийно) отображается под фирмой «2+2»; «2²» «2!»». Предметно (денотатно) синонимичные конвергентные формы концептуально выставляются формами дивергентно несинонимичными.

Одновременно имеет место индукция смыслов безотносительно предметному обеспечению. Таково реалистическо–концептуалистическое допущение бытия универсалий в качестве объективно–субъективных модусов сущего. В указанном допущении невозможно усмотреть архаику – тривиальный промах гносеологически незрелого, подлежащего преодолению миропредставления. Пространство «эйдосов», «идей», «представлений в себе», «логонов как таковых», «чистых ментальных форм» действительно располагается «за» предметными данностями. Вещь в том, как версифицировать это расположение «за» и природу продуктов, его наполняющих.

Возможности – согласно диалектическому углу зрения – пакуются в дихотомию «трансцендентное – имманентное». Трансцендентная линия – теоретико–познавательный онтологизм, на основе гипостазиса субстантивирует понятие. Имманентная линия – теоретико–познавательный деонтологизм, на основе ноэзиса (предметной направленности) объективирует понятие. Линия гипостазиса – онтологическая реификация концептов – мистична. Линия ноэзиса – практическая реификация концептов – натуралистична.

Если сосредоточиваться исключительно на гносеологическом моменте расположения «за» безотносительно к методологическим квалификациям, необходимо утрировать столь тонкий штрих, как «интелигибельность», «умопостигаемость». Члены дихотомии единит благорасположенность к очевидной особенности статуса отображаемых ими «чистых идей» – «отсутствию чувственной представленности», сенсительности, сенситивной наглядности.

Данная особенность получает доктринальное засвидетельствование в линиях ноуменализма и регулятивизма.

Ноуменализм. Гносеологически допускание интеллектуальных созерцаний трансценденталий ничего порочного в самом себе не содержит. Равно как и допускание чувственно неданных, интеллигибельных, умопостигаемо удостоверенных эйдосов, спекулятивных конструкций. Традиционная эпистемология учит о трех мирах, исчерпывающих универсум сущего (классическая триада «объективизм–психологизм–логизм»). На деле их насчитывается пять. Формы существования образуют: природное (физическое – мир фактов); деятельностное (практическое – мир артефактов); целеполагательное (ценностно–целевое – мир устремлений); психическое (переживательное – мир духовных воплощений); символическое (эйдети-ческое – мир трансценденталий).

Природа – субстанциальная реальность *in re, in esse, in facto, in natura, in effectu*.

Деятельность – энтелехиальная реальность *in actu, in transitu*.

Целеполагание – проективная, посессивная, инспирирующая реальность *in spe, in posse, in potentia*.

Психика – представленчески–образная реальность *in albis, in continuo*.

Символика – эссенциальная реальность *in abstracto, in intellectu, in se*.

Дополнительная спецификация характера 5 модусов сущего обуславливает введение статусно–генеративной предикации, согласно которой природа суть объективно–объективная реальность; деятельность – объективно–субъективная реальность; целеполагание – субъективно–объективная реальность; психика – субъективно–субъективная реальность; символика – субъективно–объективная реальность. Как видно, адъектив «объективный» относится к 4 вариациям – природному, деятельностному, целеполагательному, символическому.

Такая форма объективного процесса, как «природа», под углом зрения гносеологических рассматриваний анализировалась ранее [2, 3]. Такая форма объективного процесса, как деятельность, сводимая отчасти к «природе» (в виде корпуса объективаций второй искусственной природы), отчасти – к целеполаганию (в виде корпуса ценностно–целевых экипирований деятельности), в какой–то мере получила [2, 3], в какой–то мере получит свою тематизацию. В данном месте сосредоточимся на осмыслении такой разновидности объективного, как ингредиенты символосферы.

По форме, генеалогически, символосфера и ее продукты суть ставленники субъективной реальности. Иная трактовка детерминирует прямую автономизацию эйдетиического царства в духе платоновских мистификаций. По содержанию символосфера и ее продукты суть ставленники объективной реальности, корреспондирующие надассоциативному смысловому полю имперсонального сверх«живого» процесса мысли.

Смыслы выражений «натуральный ряд чисел» (последовательность, «непосредственно» заданная всеми своими элементами!), «трансцендентное число» (не являющееся корнем никакого многочлена с целыми коэффициентами), «трансцендентное уравнение» (типа $\sin x + \lg x = x$) (не имеющее общих приемов решения); «трансцендентная функция (показательная, логарифмическая, тригонометрическая); «трансцендентная кривая»; «город Солнца»; «в тридевятом царстве в тридесятом государстве»; «на краю света – за тридевять земель» и т.п. не могут снискать оправдания никаким переживательно–опознавательным ак-

том. Толща подобных сугубо интенциональных выражений заполняет умопостигаемое многообразие «чистых» смыслов, не переводимых из абстрактных возможностей в конкретные действительности. Но на этом основании и не подлежащих дискредитации.

Скажем точнее: никакое символическое достояние человечности не осуществляет себя в наличности; правильной адресоваться к фигурам «тенденциозность», «динамичность». Та же природа, только что объявленная объективной объективностью; – в символическом миро-представлении выставляется несколько «необъективной»:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик –

В ней есть душа, в ней есть свобода

В ней есть любовь, в ней есть язык... (Тютчев)

Итак, сгущенный в точку «К» смысл оказывается лишенным предметного представительства – «чистым» ноуменальным – спекулятивной трансценденталией. В констатации этого, настаиваем, гносеологически одиозного ничего нет. Другой вопрос, что развитие гносеологической доктрины ноуменального в мысли должно сопровождаться выработкой адекватных сюжету предметно-тематических, жанровых, формально-стилистических особенностей, не искажающих объективное значение подлежащей изучению сферы. Последнего, к сожалению, пока не достигнуто.

Уповая на будущее, применительно к настоящему выскажем: ноуменальное, интеллибельное, умо-зрительное не выступает ни сверхразумным (постигаемым в экстазе – неоплатонизм), ни демаркационным (кантианство) понятием; по-нашему, оно выступает интенциональным понятием, отображающим специфическую стадию бытия самих по себе смыслов, не имеющих (до поры до времени) *in specie, in generis* предметных засвидетельствований.

Предметное видоопределение, отягощение «чистых» концептов, приращение вещественности начинается покиданием точки «К», последовательным перемещением к точке «Д». Векторизации процесса соответствует обрастание смысла материальными установлениями, совпадающими с реификацией «чистых» содержаний. Понятийной калькой реификационной тенденции служит актуализация в содержательном аспекте понятия объемного аспекта. Трансцендентное, ноуменальное предметно «пустое» имя получает отображательную проекцию на вещественную область, с которой вступает в соотношение.

Адаптация «смысловости» к «предметности» производится поиском отображательной сферы, объектной среды, удовлетворяющей выполнению агрегируемых смыслом признаковых отношений. Установление такого рода среды есть не что иное, как нетривиальная процедура онтологизации, объективации смыслов. Замысловатость ее (процедуры) обуславливается принципиальным отсутствием заранее установленных вещественных масштабов, с какими смысловые поля связываются.

Взять, казалось бы, немудреный случай: введение квалифицирующего суждения об осмысленности/неосмысленности неравенства $1 < x < 2$. Введение его предположительно надстраивается над тематизацией существа «числа». Для множества целых чисел неравенство указанного вида бессмысленно («пусто»); для множества дробных чисел – осмысленно («непусто»). Все упирается в трактовку «числа»: поглощение множества чисел «натуральным числом» влечет одно решение; пополнение «натурального числа» присоединением к нему «дробного числа» – решение иное.

Что же говорить о прецедентах головоломных, для которых требуемых предметных объемов понятийных содержаний (пока!?) не установлено. Таков, скажем, казус с континуум-гипотезой (КГ): мощность континуума есть первая мощность, превосходящая мощность множества всех натуральных чисел. Какое именно обстояние дел в «нашем» мире КГ фиксирует – неведомо; в иных мирах – непонятно.

Особый эпизод – идеализации, являющиеся нарочитым конструированием концептов, по определению не имеющих и не могущих иметь предметоотнесения, вещесоответствования. Идеиные фикции, конструкторы, идеализации открывают простор умо-зрительным рассмотрениям двойным приемом – гиперболизацией-элиминацией признакового состава предметности. Здесь – не обладающие коррелятами-наполнениями действительного мира носители гипертрофированных свойств – особые абстрактные предметы – насыщения возможных миров, – такие как «материальная точка», «идеальный газ», «прямая», «справедливость», «женственность». Представляя несуществующие в действительном мире абстрактные сущности в идеиных мирах, функционально идеализации обслуживают посессивы – возможные универсумы рассуждений с выделенными техниками описания состояний. Так, в механическом универсуме рассуждений точечная масса вводится в ситуациях, позволяющих при изучении движения пренебрегать размером, формой, субстратом тела.

Генерализация представлений о возможных типах миров, индуцирующих универсумы рассуждения, оправдывает комбинирование понятием «всех возможных миров», мыслимых как логически (ноуменализм) или фактически (регулятивизм) возможные.

Регулятивизм. Скрываемое ноуменализмом абстрактное смысловое творчество дополняется скрываемым регулятивизмом абстрактным идеалотворчеством. Речь идет о производстве жизненастраивающих, побуждающих идей, организующих самостроение, вершение персональной и социальной судьбы. Регулятивные идеи, идеалы – ноуменальные трансценденталии, – обострением противоречия дисгармоничной действительности с увлекающим на мгновение ее гармоничным образом инспирируют преобразовательство. Назначение регулятивных идей – понуждение, возбуждение, будирование, формирование склонности к действию посредством отнесения состояний наличного к востребующим материализации состояниям потребного.

Человек не принимает трансцендентного ни в каком виде. Человека познающего не устраивает непонимание «смысла в себе». Человека стремящегося не устраивает непонимание «совершенства в себе». Любой человек нацелен на обретение понимания преодолением всей и всякой трансцендентности. Отсюда риторика ноуменальности, регулятивности не может быть апофатической риторикой; она должна оформляться как катафатическая риторика: в ноуменализме – под фирмой сценария предметоопределения смысла, в регулятивизме – под фирмой сценария предметоопределения идеала.

Человек как незавершаемый имперфект самореализуется креативно-достижительно, что имеет подходящую нам редакцию: конструктивно-обмирщительно. Сверхцель духовных и практически-духовных исканий – объективация; в варианте смысла – модельное удостоверение сильных идей; в варианте идеала – модельное удостоверение сильных программ действия.

Трансцендентные смыслы населяют Sinnwelt, трансцендентные идеалы до деятельностного конструирования населяют Wertswelt. Адъектив «трансцендентный» солидарно аттестует компоненты данных миров в качестве единиц не постоянных, но преходящих. Имеется

временной люфт от момента интенсивного введения смысла до момента его экстенсивного исключения. Такой же люфт просматривается от мгновения выработки идеала до мгновения его претворения. Именно он представляет фикс-пункт (адъективного) соотнесения – трансцендентными считаются величины, причастные Sinnwelt и Wertswelt от точки входа (семантизация) до точки выхода в результате опредмечивания (объективация). Смыслы, идеалы утрачивают трансцендентность в деятельностном разворачивании. Смысл взыскует референциального, идеал – субстанциального опробования.

Применительно к составляющим нашу рефлективную заботу идеалам выскажемся подробнее.

Род заявляет свою продуктивную природу созиданием технологически адаптированной к максимальному удовлетворению витальных потребностей искусственной среды обитания. Принцип формирования мира культуры при аналитической реконструкции выглядит системой целесообразных действий, опирающихся на механизм целеполагания:

1. исходное звено – цель;
2. промежуточное звено – средство;
3. завершающее звено – результат (эффект).

Содержание (1–3) пронизано отнесением к ценности, которая по поводу (1) и (2) проводит санирующую оценку. При положительной санкции опосредующей инстанции сочленение (1) с (2) образует динамическую пару, инициирующую действие, запускающую преобразование.

Тонкость состоит в том, что в специфически человеческом – рационально выстраиваемом действии – результативному акту предшествует его рефлективная проработка регулятивным актом – установлением соответствия локальных (индивидуальных) целей глобальным (родовым) ценностям. Последнее заключает секрет рациональной сверхличности сапиента: сообразование уникальных («эгоистических») целей с универсальными («гуманистическими») ценностями многократно умножает возможности индивида, – карлик становится на плечи гигантов, встраивается в общеродовой процесс достигательной пролонгации жизни, вершения истории, выступает воплощением, агентом родового разумного призвания.

Поскольку полного совпадения содержания «цели» с содержанием «ценности» в реальной (еще раз: «эгоистической») деятельности не достигается, теория, держа в уме момент трансцендентности, комбинирует динамическими концептами – асимптота, аппроксимация, интерполяция, – несущими идею позиционной ориентированности, тенденциозности. В таком ракурсе видения ценность выставляется оперативно-регулятивным, а не трансцендентно-регулятивным понятием. Что означает подчеркивание предметно-устремительного, интенционального ее статуса.

Уместна традукция: «ценность – истина», – как полнота объективных обстоятельств, отображенных в знании, истина не дана, однако имеет некое адекватное представительство под фирмой осознаваемой достоверности. Также и ценность, – не «безнадежно» трансцендентная форма; имеет представительство под фирмой прогрессивно достигаемой гуманитарной продвинутой.

Кантовская трактовка идеала не допускает предметного причащения; наша трактовка идеала предметное причащение допускает. Мера подобного причащения, собственно, аттестует степень достойности развития на каждой исторической стадии общечеловеческого существования.

Сказанное наводит на законное заключение: «смысл», «идеал» суть концепты предельные, но не запредельные (как в кантианстве), содержат предпосылки перекрытия собственной трансцендентности в предметно-преобразовательной устремительности (отсюда – разрешение естественно «телеологического» мотива: заданность развития).

Связь $D \rightarrow K$. Вершина «денотат» стяжает предметное значение, которое само по себе не прозрачно, внутренне дифференцировано. Поскольку предметное отношение в сцепке $D \rightarrow K$ векторизовано, имеет нацеленность на «смысл», материал предметности привлекает здесь к себе не как таковой (с самодовлеющих позиций выстраивания теории предметности), а как предлог детализировать смысловое значение «значения».

Смысловой антураж «значения» – нацеленность на предметность. Используя слог схоластической философии, такого рода нацеленность есть *intentio prima*: в пространстве мысли, циркулирующие выражения, имеют представительство в предметной сфере. Под видом чего? Со стороны формы – под видом идеалий. Идеалия (трансценденталия) – эйдетическое образование, гносеологически аттестуется как образ. Со стороны содержания – под видом правдоподобных (корреспондирующих действительности) или неправдоподобных (не корреспондирующих действительности – иллюзии, вымыслы, выдумки) образов. Со стороны субстанциальности – под видом абстрактов: идеалия всегда – абстрактный образ. Со стороны референциальности – под видом классов (конечных – бесконечных, определенных – неопределенных, пустых – непустых) или конкретов.

Все, располагающееся до «конкретов», относится к денотату как к предметному моменту смыслового значения: любая идеалия – через каскад специй – есть класс. Перекрытие ниши «класс», заход в нишу «конкрет» означает перевод денотата (как идеалии) в дескрипт. Дескрипт суть не идеальный, а онтологически доуточненный – реальный предмет – не общий, а совершенно специфичный экстенционал – обособленный, отъединенный, выдворенный из образной группировки коррелят, вводимый дейктическими операторами автономный деиксис.

Предметная характеризуемость смысла покрывается контуром *intentio prima* до точки «класс». Выход за ее пределы предопределяет вхождение в пространство, покрываемое контуром *intentio secunda* с ее тягой к фиксации конкретов, дескриптов, реалий. Совершенно ясно, что лишь достижение этой стадии снабжает смыслы точным предметным значением. Предел мечтаний любого смысла возымет конкрет, обрести возможность трансформироваться в дескрипт с онтологически очерченным коррелятом. В противном случае могут возникать сложности, утрированное понятие которых передает ситуация предметно недетализируемых смыслов.

Возьмем опять же расхожее: «нынешний король Франции лыс» и «нынешний король Франции не лыс» – как утверждения оба ложны. Поскольку же они расцениваются как контрадикторные, нарушается закон исключенного третьего [4, с. 31]. Если же в качестве смыслового поля имени выступает самопротиворечивое выражение (пустое) – «круглый квадрат», то при допущении, что всякое смысловое поле имени предметно проецируемо, нарушается закон непротиворечия: круглый квадрат кругл (в силу круглости) и круглый квадрат некругл (в силу квадратности). (Интересный модельный вариант поставляет топология – в границах взаимно однозначных непрерывных отображений круг гомеоморфен квадрату).

Обозрение движения по осям $K \rightarrow D$, $D \rightarrow K$ выявляет массу гносеологически интригующего. Во-первых, обнаруживаются трансценденталии (ноумены, идеалы) – утверждения,

несущие «смысл в себе» без предметной определенности (значимости) (от «п», «е» до «женственности»). Во-вторых, обнаруживаются трансценденции – утверждения, несущие «значение в себе» без смысловой определенности (значимости) (от «нынешний король Франции» до «круглый квадрат»). Если принимать, что «знак» всегда (!) должен что-то значить – означающее обязательно проецируется на предметно-смысловое поле означаемого, – открывается простор денотативной семантике, корреспондентской теории истины, экзистенциальной трактовке знаков (терминов). Такая – на поверхности лежащая – линия в качестве универсума рассуждения легализует множество фактически (по смыслу и значению доопределяемо) существующих предметов. Куда девать не заполняющее многообразие конкротов, реалий, дескриптов умопостигаемо допускаемых идеалий? Их можно дисквалифицировать в качестве пустых, неадекватных, ложных; тогда за бортом мышлеосвоения окажутся не только фиктивные продукты превращенного сознания – мифология, теология, идеология, – но и нефиктивные построения добропорядочного сознания – наука, искусство, право.

По гамбургскому – принципиальному – счету все продукты знаковой – второсигнальной – природы фиктивны. Fiction этимологически передает пафос «измыслительности»; оно есть – «произведение», предмет умственного сотворения. Fiction суть символический вымысел, как-им является вся умственная деятельность, вся литература (частный случай литературы (fiction) – science fiction).

Объявлять человеческую второсигнальность, порождаемую ею культуру фиктивностью (в смысле – иллюзорностью) с каких-то позиций, может, последовательно, но точно, – не продуктивно. Выход – двоякий. Либо остракизм по поводу корреспондентской трактовки истинностных отношений, референциальной интерпретации когний, либо ревизия концепта «реальность».

Первый путь – неприятие гносеологического платонизма, антиреалистские традиции истолкования природы продуктов мысли (номинализм, конструктивный эмпиризм от Оккама к Гудмену и ван Фраассену). Второй путь – неортодоксальная версификация реальности посредством мультипликации ее онтологических модусов. По учету концептуальной оригинальности укажем лишь на две капитальные вехи движения по данному пути, – вехи, выставленные доктринами возможных миров Аристотеля и Мейнонга. Пафос их – расширение модели реальности: дополнение актуального бытия потенциальным (возможным) и невозможным видами существования. Разукрупнение онтологии легитимизирует бытие иллюзорных, экзотических объектов мыследеятельности от мифологии (кентавр, пегас, Зевс и т.д.) до теории («мнимая двойная точка в бесконечности», «квадратриса» и т.д.), – всякое правильно построенное первопорядковое имя нечто обозначает – имеет смысло-значимую определенность – референт.

Предметная открытость границ алетического пространства событий позволяет формировать видоизменяющееся референциальное поле, где денотат фигурирует не как реально существующий предмет (конкрет, дескрипт) (сближение с идеологией логического атомизма), но как образ классов предметов, относимых к ментально возможным мирам.

Как кажется, здесь не удастся уклониться от самообостряемой проблемы идентификации денотата.

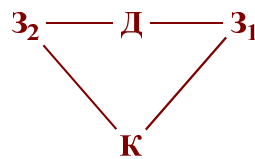
Стандартная логическая позиция настаивает: обозначения, именующие самотождественный предмет, взаимозаменяемы. В часто упоминаемом казусе с Венерой наше внимание сосредоточивается на сопоставлении адъективов A_1 (быть утренней) и A_2 (быть вечерней) «звез-

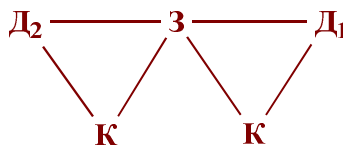
дой»). Никакого сходства фиксируемых признаков в сопоставительных характеристиках запечатлеваемых во внутренней и внешней формах представляющих их знаков не обнаруживается. Признаковая группа «быть Утренней звездой» не равноценна, не равнообразна признаковой группе «быть Вечерней звездой». Тем не менее именуемый ими предмет един. Причина? Утрирование логикой экстенционального измерения истинностного значения. В экстенциональном контексте «Утренняя звезда» заменима «Вечерней звездой» равно как «Кипридой», «Денницей» (с контаминациями) в случае, если речь идет о Венере (с элиминацией варианта отнесения имени «Утренняя звезда», «Вечерняя звезда» и других к «не-Венере»).

По сути, проводимая идентификация A_1 и A_2 между собой и Венерой опирается на некую априорную информацию об операциональной (у Парменида речь могла идти о визуальной) представимости ♀ как одного и того же объекта, обнаруживаемого утром и вечером. При трансформации подобной информации в эпизоде «Денница» система признаков, коннотируемых с Венерой, подвергается контаминации, – смешением Венеры с Авророй. Отсутствие же априорной информации вовсе не позволяет проводить соответствующую идентификацию; – достаточно задаться вопросом, насколько взаимозаменяемы обозначения «толстый» и «тонкий», «высокий» и «низкий».

Связь₅ Д→З. В идеале каждый предмет обозначается сопряженным с ним отдельным знаком. В действительности, тем более в естественных языках, предмет способен представлять под разными обозначениями его знаками – номинативная общность:

Такое явление именуется синонимией (путь, дорога). Один знак способен обозначать разные предметы – одинаковый звуковой состав (омофоны, омоформы, совпадения):

Такое явление именуется омонимией (коса, map). Оба явления вполне очевидно демонстрируют отсутствие жестких сцепок в связях «знак – предмет», «предмет – знак». Как подчеркивал Бодуэн: «Звуки, издаваемые животными, обладают общей всем им чертой: они самой природой соответствующих животным организмов предназначены для того, чтобы выражать именно то, что они в действительности выражают. Между тем слова, принадлежащие собственно человеческому языку, отличаются способностью принимать все новые значения. Характер необходимости им совершенно чужд. Им не соответствует во внешнем мире ничего непосредственно чувственного» [1, с. 84].

Знак – чувственно–сверхчувственное образование, соотносимое не с натуралистической, но с символической предметностью; фигуры языка отображают не вещи, но понятия, которые относительно данностей объективного мира – надситуативны, не контекстуальны, факультативны.

Организмический язык животных, ситуационный язык некультурного (архаического) пралогического человека заслуживают изучения как звенья исторического восхождения к человеческому языку, функционирующему на рефлексивном (и оперативном) различении вещных и образных значений.

Связь $З \rightarrow Д$. Знак – сигнально-образный, информационный заменитель, представитель (репрезентант) предмета должен что-то обозначать, означивать, значить. Традиция логического атомизма, наивного реализма вводит прямое представительство: знак коррелятивен актуально (реально) существующему предмету. Такая традиция, не отличающаяся гносеологической оригинальностью, слишком ничтожна, чтобы тратить время на ее критику. Символическая (образно-аллегорическая) реальность впрямую не коррелирует реальности предметно-объективной. Нельзя не признать эвристической ангажированности познавательного процесса по поводу освоения возможного, потенциального, идеального, иллюзорного, мистического, гипотезированного, а вместе с этим – справедливости допущения его существования.

Идея многогранности, многоаспектности модусов принципиального существования диверсифицирует сферу бытия, определяет в качестве методологического базиса трактовки сущего его полифундаментальность. Согласно подобным установкам, бытие диспергируется на актуально (реально); потенциально (возможно); невозможно (бессмысленные миры, казалось бы, могущие входить в «возможное», но исключаемые оттуда отнесением к метаинформации) данное. Кристаллизуется обновленная версия философии элеатов: «бытие есть – небытия нет», ибо все есть бытие, даже если оно средоточие несуществующих нереальных псевдообъектов. Это потому, что бытие есть бытие помысленное; – прямо по Пармениду: «Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует».

Что же является «предметным значением» мысли (обозначающим ее знаком)? Ответ на вопрос составляет референциальная процедура, указывающая на объект, обозначаемый именем. В случае дескриптов это – конкрететы; в случае абстрактов – универсалии; в случае ноуменов, гипостаз – посессивы (включая самые экзотические). Всякое имя имеет референциальную интерпретацию в разных (реально-нереальных) универсумах.

В реальном универсуме кентавра (Зевса, материальной точки и т.д.) не существует. В нереальном (потенциальном, возможном) универсуме он существует. Различение содержащегося под именем реально-нереального существования оправдывает предложенную К. И. Льюисом дивергенцию экстенциональных характеристик, а именно: объем имени включает множество реально существующих объектов; охват имени – множество возможных (непротиворечиво мыслимых) объектов, подводимых под имя [5].

Гносеологическая тематизация связи $З \rightarrow Д$ в створе сказанного при опрокидывании ее на актуальный процесс познания выглядит примерно так.

1 шаг. Произвольное (свободно-креативное) введение описательных имен (кентавр), их характеристикация.

2 шаг. Атрибуция имен (знаков) – развертывание системы утверждений (дедикация) о свойствах, отношениях, отображаемых именами объектов. (Быть получеловеком-полуконем; потомком Иксиона и Нефелы; быть субъектом кентавромахии – участвовать в битве с лапифами на свадьбе царя Пирифоя; потерпеть в ней поражение).

В пределах (1–2) имеет место движение в возможном (мифологическом) мире, где действуют условия семантики референциального типа (ср. с ситуацией введения имени и его атрибуции в случае «кварка»). Атрибуция отвечает императивам когеренции; экстенциональные

характеристики имени передаются «охватом»; генерируется взаимосогласованная система (на базе непротиворечивой атрибуции – получеловек–полуконь суть кентавр *ex definitio*), утверждающая о бытии псевдо – (т.е. только возможных) объектов. Ввиду того, что логика не позволяет оценивать фактические (актуальные) объемы имен, востребуется

3 шаг. Введение истинностных (сверхлогических) оценок существа атрибуции. Предметные значения здесь устанавливаются движением от «охвата» к «объему», т.е. от логического объема понятия к фактическому. Иного не дано: логическая атрибуция (синтаксическая дедукция) не может определять состав описания состояний реального мира, удовлетворяющего совершенно иным (не возможным, а действительным, удостоверяемым фактуально) типам связей. Синтаксические, логические, когерентные конструкции не отображают действительность, как ее отображают корреспондентные представления–понятия. Содержания понятийной (не «синтаксической») мысли входят в синедрион гносеологии, – что свойственно концептуальной, а не языковой сценографизации мира. Неправоммерно сдавливать рамки познания рамками языковых каркасов; идейный процесс прозревает сверхсинтаксическую, сверхфразовую информацию о действительности, лежащую на пересечении «культуры» и «натуры» (понимание чего дезавуирует синтаксическую гиперболизацию трактовки истинности).

Литература

1. Бодуэн де Куртене И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. В 2-х тт. М.: Изд-во АН СССР, **1963**. Т. 1. 391 с.
2. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Академический проект, **2014**. 204 с.
3. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis*. М.: Проспект, **2016**. 272 с.
4. *Логическая семантика и модальная логика*. М.: Наука, **1967**. 279 с.
5. Lewis C. I. *Analysis of Knowledge and Valuation*. Open Court, **1946**. 578 p.

Поступила в редакцию 07.10.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.1

About semantic triangle

© V. V. Ilyin

*Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
Bldg. 1, 5 2nd Baumanskaya St., 105005 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

The article is devoted to the distinction between real-unreal content hidden under the name (mark). The relations of mark with the concept and denotation are studied. These relations are manifested in such significant acts as characterization, attribution, interpretation, aimed at establishing the substantive values of the concepts. It is highlighted that ideological process identifies super-phrasal information about reality that lies at the intersection of “culture” and “nature”. In formalized languages, the problem of connecting “meaningless” syntactic expressions with object–semantic structures is solved by appeal to interpretation – a special procedure, which makes it possible to compare the names (concepts) of objects and relations between them. In the circle of the interpretive procedure, the “empty” axiom, symbolic entries (rows) become statements (having truth-values) about objects, areas of the world. Any suggestion (name) corresponds to a statement about objects in a particular subject system. In natural languages, the relationship of signs with the object basis is set a) genealogically by rules of usage; b) metaphorically by tropic unification, equating with the introduction of harmony; c) didactically – by rules of definition and selection; d) metaphysically by expressing of philosophical indefinable.

Keywords: sign, object, meaning, value.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. About semantic triangle // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 427–438.

References

1. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu*. V 2-kh tt. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963. Vol. 1.
2. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya [The theory of cognition. Social epistemology. Sociology of knowledge]*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2014.
3. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causa finalis [The theory of cognition. Philosophy as a justification of the absolutes. In search of causa finalis]*. Moscow: Prospekt, 2016.
4. *Logicheskaya semantika i modal'naya logika [Logical semantics and modal logic]*. Moscow: Nauka, 1967.
5. Lewis C. I. *Analysis of Knowledge and Valuation*. Open Court, 1946.

Received 07.10.2016.